

Вячеслав Гот

ПОПАДАНКА.
Я СТАЛА ЖЕНОЙ
ЗЛОДЕЯ

Вячеслав Гот

Попаданка. Я стала женой злодея

«Автор»

2026

Гот В.

Попаданка. Я стала женой злодея / В. Гот — «Автор», 2026

Современная женщина оказывается в теле героини романа, которой суждено погибнуть от руки собственного мужа. Она решает изменить сюжет, добиться развода и сбежать. Но холодный герцог вдруг начинает подозревать, что жена скрывает нечто важное. И чем сильнее она пытается от него избавиться, тем меньше он готов её отпустить. Для кого: читатели, которым нравятся попаданки, опасные мужчины, брачные интриги, ревность и любовь вопреки обстоятельствам.

© Гот В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пробуждение в чужом теле	5
Глава 2. Муж, который меня убьёт	8
Глава 3. Герцог холодных глаз	10
Глава 4. Сюжет, который нельзя менять	13
Глава 5. Первое правило выживания — не злить его	17
Глава 6. Служанка, которая слишком много знает	21
Глава 7. Ночь в герцогском замке	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Вячеслав Гот

Попаданка. Я стала женой злодея

Глава 1. Пробуждение в чужом теле

Первое, что я почувствовала, — запах.

Не кофе, не утренней пыли на подоконнике и не привычного кондиционера в офисе. Пахло воском, сушёными травами и чем-то тяжёлым, вроде старого дерева и лаванды. Так пахнет бабушкин сундук, который я не открывала лет десять.

Второе — холод. Не тот, что от кондиционера. Настоящий, простывший, идущий от каменных стен куда-то в кости.

Я открыла глаза.

Потолок был высокий, сводчатый, с лепниной по краям. Не мой потолок. Не моя комната. Не мой мир.

Я лежала на огромной кровати под балдахином из тёмно-бордового бархата, и одеяло на мне было тяжёлым, как чугунная плита. Руки — не мои. Тонкие, бледные, с длинными пальцами и идеальным маникюром, которого у меня никогда не было. На безымянном пальце — кольцо. Массивное, с тёмным камнем.

Так. Спокойно. Ты, наверное, просто переработала.

Я села. Голова закружилась, и я схватилась за резную спинку кровати. За окном — серое небо, голые ветки, башни замка вдалеке. Не Москва. Даже не Россия.

На тумбочке лежала книга. Толстая, в кожаном переплёте, с золотым тиснением. Я потянулась к ней — и замерла.

Название я знала. «Холодный герцог». Тот самый любовный роман, который я скачала в электронку три дня назад, чтобы отвлечься от отчётности. Прочитала запоем, за одну ночь, а утром думала: ну и дура эта Элиана, надо было просто сбежать.

Элиана. Героиня. Жена герцога. Которую он убивает в конце третьего акта.

Я открыла книгу на первой странице. Почерк — мой, но не мой. Ровный, каллиграфический, с завитушками. Дневник. Запись от вчерашнего дня:

«Он снова смотрел на меня так, будто я — пустое место. Я не знаю, что сделала не так. Я стараюсь. Я всё делаю, как он велит. Но, кажется, он всё равно меня ненавидит».

Я перевернула страницу. Ещё запись. Ещё. Все — о муже. Холодном, жестоком, невыносимом. О герцоге Ксавьере Рейнхарде.

Стоп. Стоп-стоп-стоп.

Я отбросила дневник и вскочила. Ноги — не мои — подкосились, и я упала на колени перед туалетным столиком. В зеркале отразилась девушка. Бледная, с тёмными волосами, рассыпавшимися по плечам, и серыми глазами, в которых застыло недоумение. Красивая. Не я.

— Нет, — прошептала я. — Нет-нет-нет.

Я ущипнула себя за руку. Больно. Ещё раз. Больно.

Это не сон.

Я медленно поднялась, держась за столик, и посмотрела на своё отражение. Двадцать с чем-то. Моложе меня на десять лет. Тонкие черты, чуть заострённый подбородок, тёмные круги под глазами. Уставшая. Запуганная. Элиана.

Я — Элиана. Жена злодея. И через три месяца меня убьют.

Меня затрясло. Настоящая, животная дрожь, от которой зубы стучат, а руки не слушаются. Я вцепилась в край столика, заставляя себя дышать. Вдох. Выдох. Вдох.

Ты не Элиана. Ты Марина. Ты взрослая женщина, которая двадцать лет решала проблемы. Ты справишься.

Я посмотрела в зеркало ещё раз. Девушка смотрела на меня с ужасом.

— Ладно, — сказала я вслух. Голос — не мой, но звучал твёрже, чем я ожидала. — Ладно. Думай.

Факты: я в теле героини романа. Роман я читала. Сюжет знаю. Герцог Ксавьер — злодей, который в конце убивает жену, потому что она якобы предала его. На самом деле — она просто пыталась сбежать от него, потому что он её довёл. Замкнутый круг.

Если я знаю сюжет, я могу его изменить.

Первое: не злить герцога. Второе: не давать повода для подозрений. Третье: найти способ развестись. Четвёртое: сбежать. Пятое: не умереть.

В дверь постучали.

— Ваша светлость? Вы проснулись?

Я вздрогнула. Служанка. В романе была служанка — Мира, кажется. Добрая, но болтливая.

— Да, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Войдите.

Дверь открылась. Вошла молодая женщина в сером платье и белом фартуке. Улыбнулась, но в глазах — тревога. Она видела, как Элиана ходила по краю последние месяцы.

— Доброе утро, госпожа. Его светлость просил передать, что ждёт вас к завтраку.

Завтрак с герцогом. С тем, кто меня убьёт.

Я кивнула, как будто это было обычное утро. Как будто я не стояла на пороге собственной смерти.

— Хорошо. Помогите мне одеться.

Мира засуетилась, доставая платье — тёмно-синее, строгое, с высоким воротом. Я смотрела на него и думала: В романе Элиана надела зелёное. И герцог сделал ей замечание. Значит, синее — правильный выбор.

— Госпожа, — тихо сказала Мира, застёгивая пуговицы на спине. — Вы сегодня... другая. Я напряглась.

— В каком смысле?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Спокойнее, что ли. Раньше вы каждое утро плакали.

Я посмотрела на неё в зеркало. Она не врала. Элиана плакала каждое утро. От бессилия, от страха, от одиночества.

— Больше не буду, — сказала я.

Мира удивлённо моргнула, но ничего не ответила.

Когда я вышла из комнаты, коридор показался бесконечным. Каменные стены, факелы, ковры с гербами. Замок Рейнхардов. Мой дом. Тюрьма.

Я шла к столовой и считала шаги. Раз, два, три... Двадцать три шага до поворота. Ещё тридцать — до лестницы. Вниз. Направо.

В романе Элиана не запоминала дорогу. Она просто шла, опустив голову. Я запоминала всё.

Потому что я собиралась сбежать.

Столовая была огромной. Длинный стол, свечи, серебро. За столом, во главе, сидел он.

Ксавьер Рейнхард. Герцог. Мой муж. Мой убийца.

Он не поднял головы, когда я вошла. Просто смотрел в тарелку, и его длинные пальцы медленно вращали бокал с водой. Тёмные волосы, забранные назад. Резкие скулы. Губы, сжатые в тонкую линию. Красивый. Холодный. Опасный.

Я остановилась на пороге, и сердце пропустило удар.

Он убьёт меня. Через три месяца. Если я ничего не сделаю.

— Доброе утро, — сказала я.

Он поднял глаза.

И в этот момент я поняла: он уже что-то подозревает.

Глава 2. Муж, который меня убьёт

Он смотрел на меня ровно три секунды. Я считала. Привычка из прошлой жизни — считать, когда нервничаешь.

Три секунды. Потом он отвёл взгляд и вернулся к тарелке.

— Садись.

Голос низкий, без эмоций. Как будто он говорил не с женой, а с прислугой. Или с пустым стулом.

Я прошла к своему месту — по левую руку от него, как и было в романе. Села, стараясь не скрипнуть стулом. Спина прямая, руки на коленях. Идеальная жена.

Передо мной поставили тарелку. Овсянка. Каша. Что-то серое и безвкусное. В романе Элиана давилась этой кашей каждое утро, но не смела попросить что-то другое.

Я взяла ложку.

— Ты сегодня не опоздала, — сказал он.

Я замерла. В романе Элиана всегда опаздывала. Нарочно. Это была её маленькая месть — заставить его ждать. Глупая, детская, но хоть какая-то.

— Я решила, что это ни к чему, — ответила я. — Зачем зря тратить твоё время?

Он посмотрел на меня. Дольше, чем в первый раз. Я почувствовала, как под этим взглядом холодеет затылок.

— Раньше ты так не думала.

— Раньше я много о чём не думала.

Слова вылетели сами. Я прикусила язык, но было поздно. Герцог отставил бокал и медленно откинулся на спинку стула.

— Интересно, — произнёс он. — Что ещё изменилось?

Осторожно. Осторожно, Марина.

— Я просто устала, — сказала я, опуская глаза в тарелку. — Устала бояться.

Это была правда. Не вся, но правда. Элиана боялась его до дрожи. Я — тоже. Но я умела это скрывать.

Он молчал. Я чувствовала его взгляд на своём лице, на шее, на руках. Как будто он изучал меня. Как будто видел впервые.

— Ешь, — сказал он наконец.

Я взяла ложку и заставила себя проглотить три ложки каши. Она была отвратительной. Но я не поморщилась.

Завтрак продолжался в тишине. Он читал какие-то бумаги, которые принёс слуга, а я смотрела в окно и думала.

В романе он убивает её в конце третьего акта. Повод — письмо. Поддельное письмо, которое подбросили враги герцога. В нём Элиана якобы признаётся в измене и готовит побег. Он верит. Он не слушает её. Он просто...

Я сглотнула.

Но если я знаю про письмо, я могу его предотвратить. Или подменить. Или...

— Элиана.

Я вздрогнула. Он назвал меня по имени. В романе он делал это редко. Только когда был особенно недоволен.

— Да?

— Ты не ешь.

Я посмотрела на тарелку. Половина каши осталась.

— Я не голодна.

Он отложил бумаги и подался вперёд. Локти на столе, пальцы сцеплены. Он смотрел на меня, и в его тёмных глазах не было ни тепла, ни холода. Только внимание. Опасное, острое внимание.

— Ты плохо спала?

— Нет. Спала хорошо.

— Тогда почему ты бледная?

Я не ожидала этого вопроса. В романе он никогда не спрашивал о её самочувствии. Никогда не замечал.

— Я всегда бледная, — ответила я. — Ты просто не смотрел.

Он моргнул. Едва заметно. Но я увидела.

Задела. Хорошо. Пусть думает, что я просто обижена. Пусть не видит, что я — не она.

— У меня дела, — сказал он, поднимаясь. — Вечером будет ужин с послем Валдании.

Будь готова к семи.

— Хорошо.

Он уже шёл к двери, но остановился. Обернулся.

— Элиана.

— Да?

— Ты сегодня... — он замолчал, подбирая слово. Не нашёл. — Неважно.

И вышел.

Я осталась одна. Каша остыла, свечи догорали, за окном моросил дождь. Я откинулась на спинку стула и выдохнула.

Первая встреча прошла. Я жива. Он ничего не заподозрил.

Но это было только начало.

Впереди — ужин с послем. В романе на этом ужине Элиана опоздала, и герцог публично унизил её. Я не собиралась повторять её ошибок.

Я встала и пошла к себе. В коридоре встретила Миру.

— Госпожа, вам помочь с платьем для ужина?

— Да. Но не с тёмным. Достань что-нибудь... — я задумалась, — светлое. Голубое, если есть.

Мира удивлённо кивнула.

— Есть. Но вы его не носили. Говорили, что оно слишком заметное.

Вот именно. Пусть заметит. Пусть увидит, что я изменилась. Может, тогда он не станет меня убивать.

— Сегодня надену, — сказала я.

Мира улыбнулась. Впервые за всё утро.

— Хорошо, госпожа.

Я вошла в свою комнату и закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной и сползла на пол.

Три месяца. Девяносто дней. Я знала сюжет. Знала, где спрятаны деньги, знала, какие слуги верны герцогу, а какие — нет. Знала, что в подвале есть потайной ход. Знала, что через два месяца приедет брат Элианы, который попытается её спасти. Знала, что он погибнет.

Если я хочу выжить, я должна сбежать до того, как придёт письмо. До того, как он поверит в мою измену.

Я встала, подошла к окну и посмотрела на серое небо. Где-то там, за стенами замка, был другой мир. Мой мир. Москва, офис, кофе по утрам, скучные отчёты. Обычная жизнь.

Я вернусь. Обязательно вернусь.

Но сначала — ужин. И посол. И герцог, который смотрит слишком внимательно.

Я вздохнула и пошла готовиться.

Вечером я поняла: он не просто смотрит. Он ждёт.

Ждёт, когда я ошибусь.

Глава 3. Герцог холодных глаз

Голубое платье сидело идеально.

Я стояла перед зеркалом и разглядывала незнакомку в отражении. Ткань струилась, как вода, подчёркивая бледность кожи и тёмные волосы. Элиана была красива — той тихой, неброской красотой, которую замечаешь не сразу. Жаль, что в романе она этого так и не узнала. Ей всё время казалось, что она недостойна своего блистательного мужа.

— Госпожа, — Мира застегнула последнюю пуговицу, — вы сегодня... сияете.

— Это платье, — отмахнулась я. — Оно светлое.

— Дело не в платье, — тихо сказала служанка и тут же опустила глаза, будто испугалась собственной смелости.

Я промолчала. Не время объяснять, что во мне просто больше нет той загнанной женщины, которая вздрагивала от каждого шага в коридоре. Марина из Москвы не вздрагивала. Марина из Москвы двенадцать лет работала в отделе, где нужно было улыбаться людям, которых хотелось убить.

Столовая для приёмов была в другом крыле. Я шла по коридору и считала: поворот, лестница, галерея с портретами. С портретов смотрели Рейнхарды — все темноволосые, все с одинаковым холодным взглядом. Ксавьер был похож на них, но что-то в его лице было иным. Резче. Опаснее.

Прекрати думать о его лице.

У входа в зал меня встретил дворецкий — сухой старик с безупречной осанкой.

— Ваша светлость. Его светлость уже ждёт.

Я вошла.

За длинным столом, накрытым на двенадцать персон, сидели гости. Посол Валдании — грузный мужчина с седой бородой и хитрыми глазами. Его свита. Пара местных аристократов. И во главе — Ксавьер.

Он поднял голову, когда я вошла. И замер.

Я видела, как его взгляд скользнул по голубой ткани, по открытым плечам, по лицу. Обычно непроницаемое, сейчас оно дрогнуло. Едва заметно. Но я стояла слишком далеко, чтобы понять, что это было.

— Леди Рейнхард, — посол поднялся и склонил голову. — Прекрасно выглядите.

— Благодарю, ваше превосходительство. — Я улыбнулась ровно настолько, насколько требовал этикет. — Прошу прощения за задержку.

— Вы не опоздали, — сказал Ксавьер.

Я посмотрела на него. Он смотрел на меня.

В романе он сказал: «Наконец-то». С насмешкой. И Элиана покраснела до корней волос. Сейчас он сказал другое. Я не знала, хорошо это или плохо.

Я прошла к своему месту — рядом с ним. Села. Спина прямая, руки на скатерти, взгляд спокойный. Как учили.

Ужин начался.

Разговоры текли вокруг меня, но я слушала вполуха. Посол говорил о торговых путях, о пошлинах, о каком-то споре за пограничные земли. Ксавьер отвечал коротко, веско, не тратя слов зря. Гости смеялись его шуткам — если это можно было назвать шутками. Я слышала в его голосе только холод.

В романе он был таким же. Всегда. Ледяной герцог. Никто не знал, что у него внутри.

Я украдкой посмотрела на его руки. Длинные пальцы, гладкие ногти, ни одного кольца. Он держал вилку так, будто это был хирургический инструмент.

А потом он сказал:

— Моя жена сегодня необычно молчалива.

Я замерла с ложкой у рта.

Все взгляды обратились ко мне. Посол улыбнулся, кто-то из аристократов поднял бровь.

— Я слушаю, — ответила я. — Это интереснее, чем говорить.

— Неужели? — Ксавьер отпил вина. — Раньше ты находила темы для разговора.

Раньше она находила темы, чтобы привлечь твоё внимание. И ты каждый раз её обрывал.

— Раньше я говорила много глупостей, — сказала я спокойно. — Теперь предпочитаю молчать.

За столом повисла тишина. Посол крикнул, пряча улыбку в бокале. Ксавьер медленно поставил бокал на стол.

— Ты называешь свои слова глупостями?

— Я называю глупостями всё, что не имеет значения.

Он смотрел на меня. Долго. Я выдержала взгляд.

Не отводи глаза. Не показывай страх. Ты — не Элиана. Ты — Марина. Ты вела переговоры с людьми пострашнее герцогов.

— Что ж, — сказал он наконец. — Посмотрим.

И повернулся к послу, как будто ничего не произошло.

Я выдохнула. Незаметно. Под столом мои пальцы дрожали.

Остаток ужина прошёл спокойно. Я ела, улыбалась, отвечала на вежливые вопросы. Посол остался доволен. Аристократы — тоже. Ксавьер молчал, но я чувствовала его взгляд. Он касался меня, как холодная вода.

Когда гости начали прощаться, я встала. Собиралась уйти первой — так делали в романе, и Элиана всегда уходила первой, чтобы не оставаться с мужем наедине.

— Элиана.

Я остановилась.

— Да?

— Останься.

Гости уже выходили. Двери закрывались. Мы были одни — только свечи, тёмное серебро и он.

— Я хочу тебя кое о чём спросить.

Я обернулась. Он стоял у стола, расстегнув верхнюю пуговицу камзола. Воротник был тесным, и он потянул его, обнажая шею. Жест был почти человеческим. Почти.

— Спрашивай.

Он подошёл. Медленно. Ближе, чем следовало. Я чувствовала запах его одеколона — что-то древесное, с горчинкой.

— Кто ты?

Слово упало в тишину, как камень в воду.

Я не дрогнула. Хотя внутри всё сжалось.

— Я — твоя жена.

— Моя жена, — повторил он, — боялась меня. Она не могла сказать двух слов, не запнувшись. Она не носила голубого. Она не смотрела мне в глаза.

Он наклонился. Наши лица были на расстоянии ладони.

— А ты смотришь.

Я сглотнула.

— Люди меняются, — сказала я.

— Не так.

— Откуда ты знаешь?

Он молчал. Смотрел. В его тёмных глазах было что-то, чего я не видела раньше. Не холод. Не гнев. Что-то другое.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Но я узнаю.

Он отступил на шаг, и воздух, между нами, снова стал прохладным.

— Иди. Завтра у нас дела.

Я шла к двери, чувствуя его взгляд на спине. Только выйдя в коридор, я позволила себе выдохнуть.

Он подозревает. Не знает, что, но подозревает.

Мне нужно быть осторожнее. Гораздо осторожнее.

Я почти дошла до своей комнаты, когда услышала за спиной шаги.

— Госпожа.

Это была не Мира. Другая служанка — тихая, с крысиным лицом. Я видела её в романе. Она шпионила для герцога.

— Что?

— Его светлость просил передать, что завтра вы поедете с ним в город.

Я замерла.

— В город?

— Да. По делам.

В романе он никогда не брал Элиану в город. Ни разу. Она всегда оставалась в замке.

— Хорошо, — сказала я. — Передай, что я согласна.

Служанка кивнула и исчезла в темноте коридора.

Я вошла в комнату и закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной и посмотрела на своё отражение в зеркале.

Голубое платье. Бледное лицо. Глаза, в которых застыло что-то новое.

Он берёт меня с собой. Зачем? Проверить? Показать? Или...

Я не знала. И это пугало больше, чем его холод.

Я легла спать, но сон не шёл. В голове крутились слова: «Я узнаю». Он узнает. Рано или поздно. Вопрос в том, что он сделает, когда поймёт, что я — не Элиана.

Может, это меня спасёт. А может — убьёт быстрее.

За окном выл ветер. Я закрыла глаза и заставила себя дышать ровно.

Завтра. Всё завтра.

Глава 4. Сюжет, который нельзя менять

Утро началось с дождя.

Я стояла у окна и смотрела, как струи бьются о стекло, размывая очертания башен. Погода соответствовала настроению. В голове с ночи не утихала одна мысль: он берёт меня в город.

В романе такого не было. Ни одной сцены. Герцог уезжал по делам один, а Элиана оставалась в замке — бродила по пустым залам, писала в дневнике, ждала. Всегда ждала.

Я отошла от окна и села на кровать. На тумбочке лежала та самая книга — «Холодный герцог». Я взяла её в руки, провела пальцами по корешку. Странно было держать в руках книгу, в которой ты — персонаж. Книгу, где твоя смерть уже написана.

Я открыла её на середине.

«Элиана стояла у окна своей спальни, глядя, как карета мужа исчезает за воротами. Она не знала, куда он едет и зачем. Он никогда ей не говорил. Она была ему чужой — красивой вещью в золотой клетке, которую он забывал кормить».

Я захлопнула книгу. Слишком похоже. Слишком больно.

Так. Думай. Что я знаю о сюжете?

Три месяца до финала. Через два — приезжает брат Элианы, Люциан. Он пытается её вывезти. Герцог узнаёт. Люциан погибает. Элиана остаётся одна — окончательно сломленная. А потом — письмо. Подделка. И приговор.

Если я хочу выжить, мне нужно сломать эту цепочку. Но как?

Я встала и начала мерить комнату шагами. Три шага до стены, поворот, три шага обратно. Привычка из прошлой жизни — думать на ходу.

Первое: Люциан. Если я предупрежу его, он не приедет. Или приедет, но подготовленным. Второе: письмо. Я знаю, кто его подбросит. В романе это сделал секретарь герцога — человек, которому он доверял. Если я найду доказательства раньше...

В дверь постучали.

— Войдите.

Мира вошла с подносом. На нём — чайник, чашка, тонкие ломтики хлеба с маслом.

— Госпожа, его светлость просил передать, что выезд через час.

— Спасибо, Мира.

Служанка поставила поднос на столик и замялась у двери.

— Что-то ещё?

— Госпожа... — она теребила край фартука. — Вы вчера были на ужине. С послем. Все говорят, что вы держались... как герцогиня.

Я подняла бровь.

— А раньше, как я держалась?

Мира опустила глаза.

— Как мышь.

Я усмехнулась. Честно. По крайней мере, служанка не врала.

— Мышь больше не вернётся, — сказала я. — Можешь идти.

Мира ушла. Я быстро выпила чай — горький, с травами — и принялась одеваться. Сама. Без помощи. В прошлой жизни я одевалась сама двадцать лет, и отсутствие горничной меня не смущало.

Платье для поездки — тёмно-серое, дорожное, с высоким воротом. Практичное. Я заплела волосы в косу, надела плащ. Посмотрела в зеркало.

Сойдёт. Не красавица, но и не мышь.

Когда я вышла во двор, карета уже ждала. Чёрная, с гербом на дверце. Рядом — всадники охраны, человек десять. И сам герцог — верхом на вороном коне, в тёмном камзоле, с непроницаемым лицом.

Он посмотрел на меня сверху вниз.

— Ты сама оделась?

— Да.

— Почему?

— Мира занята. Я не хотела ждать.

Он ничего не сказал. Просто развернул коня и поехал к воротам. Карета тронулась следом.

Я откинулась на бархатную спинку сиденья и посмотрела в окно. Замок оставался позади — серый, массивный, равнодушный. Я впервые покидала его стены с момента пробуждения.

В романе Элиана выходила из замка всего три раза. Первый — на бал. Второй — на казнь какой-то женщины. Третий — в свой последний день.

Я передёрнула плечами.

Город встретил нас шумом. Узкие улицы, дома с черепичными крышами, торговые ряды. Люди оборачивались на карету с гербом, кланялись, шептались. Я видела лица — любопытные, испуганные, завистливые.

Так вот как выглядит мир, который герцог держит в страхе.

Карета остановилась у большого здания с колоннами. Ратуша. Ксавьер спешился, подошёл к дверце, открыл её сам. Протянул руку.

Я замерла.

В романе он никогда не подавал ей руку. Ни разу. Элиана всегда выходила сама, спотыкаясь о подол.

Я посмотрела на его ладонь. Длинные пальцы, сухая кожа, ни одного украшения.

И вложила свою руку.

Он помог мне выйти. Рука была тёплой — неожиданно. Я думала, что он холодный весь, до костей.

— Что здесь? — спросила я, глядя на ратушу.

— Совет. Мне нужно решить вопрос с налогами. — Он отпустил мою руку. — Ты пойдёшь со мной.

— Зачем?

Он посмотрел на меня.

— Потому что ты — герцогиня. И потому что я хочу видеть, как ты себя поведёшь.

Проверка. Он проверяет меня.

Я подняла подбородок.

— Хорошо. Посмотрим.

В зале совета было душно. Длинный стол, за ним — восемь мужчин. Все в тёмном, все с одинаково недовольными лицами. Когда мы вошли, они встали.

Ксавьер занял место во главе. Я — стул слева от него. Он не представил меня. Просто кивнул, и собрание началось.

Говорили о деньгах. О недоимках. О каком-то купце, который не заплатил вовремя. Ксавьер слушал молча, потом задал три вопроса — коротких, точных, как удары. Мужчины занервничали.

Я наблюдала. За лицами, за жестами, за тем, как они поглядывают на меня — украдкой, с недоумением. Женщина на совете. Неслыханно.

А потом один из них — толстый, с красным лицом — сказал:

— Ваша светлость, позвольте заметить, что присутствие леди на столь... специфическом собрании может быть неуместным.

Ксавьер не пошевелился.

— Моя жена, — сказал он ровно, — будет там, где я сочту нужным. Продолжайте.

Мужчина замолчал. Я почувствовала, как что-то тёплое шевельнулось в груди.

Он защитил. Впервые.

Собрание закончилось через час. Ксавьер встал, кивнул всем — и вышел, не оглядываясь.

Я за ним.

На улице он остановился и посмотрел на меня.

— Ты не сказала ни слова.

— Я слушала.

— И что услышала?

Я задумалась. Врать было нельзя. Он бы почувствовал.

— Что Ханнер врёт о недоимках. У него есть деньги, он просто не хочет платить. И что второй советник — тот, с бородавкой — боится тебя больше, чем уважает.

Ксавьер моргнул. Медленно.

— Ты это увидела?

— Я это услышала. В голосе.

Он смотрел на меня долго. Дождь кончился, из-за туч выглянуло солнце, и в его свете глаза герцога казались не тёмными, а карими. Тёплыми.

Нет. Не обманывайся.

— Поехали, — сказал он. — Нам ещё в одно место.

Второе место оказалось книжной лавкой.

Я не поверила своим глазам, когда карета остановилась у маленького магазинчика на тихой улице. Вывеска — потёртая, буквы выцвели. «Лавка Вернера».

Ксавьер вошёл первым. Колокольчик звякнул. Из-за прилавка выглянул старик с очками на носу.

— Ваша светлость! — он засуетился. — Я не ждал вас сегодня...

— Я привёз жену, — сказал Ксавьер. — Она любит книги.

Я замерла.

В романе он никогда...

— Выбирай, — сказал он мне. — Что хочешь.

Я смотрела на полки. Сотни корешков, старых и новых. Пахло пылью и бумагой. Я провела пальцами по корешкам — и наткнулась на знакомое.

История Валдании. Том второй.

В романе Элиана читала эту книгу. В ней была карта — карта земель, включая потайной ход из замка. Она нашла его случайно, за месяц до смерти. И не успела воспользоваться.

Я сняла книгу с полки.

— Эту.

Ксавьер подошёл, заглянул через плечо. Близко. Я почувствовала его дыхание на виске.

— История Валдании? Скучно.

— Мне интересно.

Он пожал плечами и заплатил. Старик завернул книгу в бумагу, поклонился. Мы вышли.

— Ты странная, — сказал герцог, когда мы сели в карету. — Раньше ты не читала.

— Раньше я многого не делала.

— Например?

Я посмотрела на него. В полумраке кареты его лицо казалось мягче. Моложе. Почти человеческим.

— Не смотрела тебе в глаза, — сказала я. — Не говорила правду. Не выбирала книги.

— Почему?

— Потому что боялась.

Он молчал. Карета катилась по улицам, за окном мелькали дома, люди, фонари.

— А сейчас? — спросил он.

— Что — сейчас?

— Сейчас боишься?

Я задумалась. Честно.

— Да, — сказала я. — Но не тебя.

Он посмотрел на меня. Взгляд был долгим, тёмным, непонятным. Я не знала, что он думает. Не знала, что будет дальше.

Сюжет сломан. Он берёт меня в город, он защищает меня на совете, он покупает мне книги. Это не роман. Это что-то другое.

Карета остановилась у ворот замка. Ксавьер вышел первым, снова подал руку. Я приняла.

— Элиана, — сказал он тихо, когда мы шли к дверям.

— Да?

— Книга, которую ты выбрала. Она о картах?

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— Да.

— Зачем тебе карты?

Осторожно. Осторожно, Марина.

— Я хочу знать, где мы живём, — сказала я. — Разве это плохо?

Он не ответил. Открыл дверь, пропустил меня вперёд.

— Иди. Отдохни. Ужин в семь.

Я поднялась к себе, закрыла дверь и прижала книгу к груди. Пальцы дрожали.

Он знает. Или догадывается. Или просто проверяет.

Но если он узнает про потайной ход...

Я села на кровать и открыла книгу. Карта была на месте — сложенный вчетверо лист, вклеенный между страницами. Я провела пальцем по линиям. Вот замок. Вот стена. Вот ход.

Это мой путь к свободе. Если он не узнает.

За окном темнело. Я спрятала карту под матрас и легла. Сон не шёл.

В голове звучал его голос: «Зачем тебе карты?»

Я не знала ответа. Точнее, знала, но не могла сказать.

Чтобы сбежать от тебя. Чтобы выжить. Чтобы не умереть.

А где-то глубоко, в самом тёмном уголке сознания, шевелилась другая мысль. Совсем непрошенная.

А может, уже поздно бежать?

Глава 5. Первое правило выживания — не злить его

Правило первое: не злить герцога.

Я повторяла его про себя, как мантру, пока шла к столовой. Утро выдалось ясным — дождь кончился, небо очистилось, и солнце заливало коридоры замка холодным белым светом. Красиво. И обманчиво.

Не злить. Не спорить. Не перечить. Улыбаться. Кивать. Быть идеальной.

Я почти поверила, что справлюсь.

Он уже сидел за столом. Сегодня — один. Без гостей, без бумаг, без секретаря. Просто герцог, тарелка с яйцами и чашка кофе. Он поднял голову, когда я вошла, и я снова почувствовала этот взгляд — внимательный, изучающий.

— Доброе утро, — сказала я и села.

— Доброе.

Я взяла вилку. Сегодня каша была заменена на яйца и хлеб. Уже лучше.

Мы ели в тишине. Я думала о карте, спрятанной под матрасом, о потайном ходе, о том, как незаметно собрать вещи. Может, через неделю. Может, через две. Главное — до приезда Люциана.

— Ты сегодня задумчивая, — сказал он.

Я вздрогнула.

— Просто спала плохо.

— Опять?

— Дождь шумел.

Он отставил чашку.

— Элиана. Я хочу кое-что обсудить.

Вот оно. Сейчас он скажет что-то, что всё испортит.

— Да?

— Через две недели — приём в честь дня рождения короля. Мы приглашены.

Я замерла.

Приём. В романе был приём. Элиана опозорилась там — упала в обморок посреди зала, и герцог унёс её на руках, вне себя от ярости. После этого он перестал вывозить её в свет. А через месяц она умерла.

— Хорошо, — сказала я. — Я подготовлюсь.

Он поднял бровь.

— Подготовишься?

— Платье, манеры, темы для разговоров. Я не хочу опозорить тебя.

Он молчал. Смотрел.

— Раньше ты не думала о том, чтобы не опозорить меня.

— Раньше я думала только о себе, — сказала я честно. — Это было ошибкой.

Не злить его. Не злить. Ты справишься.

Он встал из-за стола. Подошёл. Остановился рядом — так близко, что я чувствовала тепло его тела.

— Ты изменилась, — сказал он тихо.

— Да.

— Почему?

Я подняла на него глаза. Вблизи его лицо было не таким холодным. Усталым. И ещё — голодным. Как будто он годами не ел ничего настоящего.

— Потому что я устала бояться, — сказала я. — Устала быть мышью.

Он наклонился. Наши лица были почти на одном уровне. Я видела его ресницы, тёмные и густые, и морщинку между бровей.

— А кем ты хочешь быть?

Свободной. Живой. Не твоей.

— Сбой, — ответила я.

Он отстранился. Медленно. Как будто с сожалением.

— Хорошо, — сказал он. — Готовься к приёму. Я хочу, чтобы ты выглядела... достойно.

— Я не подведу.

Он вышел. Я осталась сидеть, глядя в тарелку. Сердце колотилось где-то в горле.

Пока что получается. Не разозлила. Даже наоборот.

Но я знала: это ненадолго. В романе у герцога было много поводов для гнева. И один из них — секретарь. Тот самый, который подбросит письмо.

Я встала и пошла искать библиотеку.

Библиотека была на третьем этаже. Высокие окна, стеллажи до потолка, запах старой бумаги. Я вошла и остановилась, поражённая.

В романе Элиана заходила сюда дважды. Оба раза — чтобы спрятаться. Она не читала. Она просто сидела в углу и плакала.

Я прошла вдоль полок. История, география, философия, трактаты о налогах. И — в дальнем углу — полка с романами. Любовными. Элиана их не читала, но они были. Герцог, видимо, не запрещал.

Я провела пальцами по корешкам. На одном задержалась. «Письма к незнакомке». Тонкая книжка в потёртой обложке.

Письма. Интересно.

Я взяла её и села в кресло у окна. Открыла. Это были письма женщины к мужчине, которого она любила. Тайно. Без надежды.

«Я знаю, что не должна писать тебе. Знаю, что ты не ответишь. Но молчать я больше не могу. Твои глаза преследуют меня во сне...»

Я захлопнула книгу. Слишком похоже. Слишком близко.

Нет. Я не Элиана. Я не влюблена в герцога. Я просто хочу выжить.

Дверь скрипнула. Я обернулась.

На пороге стоял мужчина. Молодой, светловолосый, в сером камзоле. Секретарь. Герберт.

Тот самый. Который подбросит письмо.

— Леди Рейнхард, — он поклонился. — Прошу прощения, я не знал, что вы здесь.

— Ничего. Я уже ухожу.

— Вы читаете? — он кивнул на книгу в моих руках. — «Письма к незнакомке»? Прекрасный выбор.

Я смотрела на него. Вежливый, мягкий, с добрыми глазами. В романе он был таким же — обаятельным. Элиана ему доверяла. Рассказывала о своих страхах, о муже, о желании сбежать.

А он всё передавал герцогу.

Нет. Не всё. Только то, что нужно. И письмо.

— Вы читали? — спросила я.

— Да. Давно. — Он улыбнулся. — Это история о невозможной любви. О женщине, которая любит мужчину, но не может быть с ним. Грустная.

— Почему не может?

— Он — не тот, за кого себя выдаёт. Она узнаёт правду и бежит.

Бежит. Как Элиана. Как я.

— И что в конце?

— Она умирает, — сказал он просто. — Но не от руки возлюбленного. От собственной тоски.

Я сглотнула.

— Спасибо, — сказала я, вставая. — Я запомню.

Он поклонился и вышел. Я осталась одна, с книгой в руках и мыслью в голове.

Он уже начал. Уже наблюдает. Уже ищет способ.

Я поставила книгу на полку и вышла из библиотеки. В коридоре было пусто. Я шла к себе и думала: нужно найти способ нейтрализовать Герберта. Или подкупить. Или...

— Элиана.

Я обернулась. Герцог стоял у окна, скрестив руки на груди. Как он здесь оказался? Я не слышала шагов.

— Да?

— Ты была в библиотеке.

— Да. Читала.

— С Гербертом.

Он знает. Конечно, он знает. Он всё знает.

— Он зашёл случайно, — сказала я ровно. — Мы обменялись парой фраз. Ничего больше.

— О чём?

— О книге. Он сказал, что она грустная.

Ксавьер подошёл. Медленно. Остановился в шаге от меня.

— Элиана. Я не люблю, когда мои слуги разговаривают с моей женой.

Вот оно. Гнев. Началось.

— Он не разговаривал. Он просто ответил на вопрос.

— Не важно. — Его голос стал жёстче. — Держись от него подальше.

Я подняла подбородок.

— Почему?

— Потому что я так сказал.

Не злить. Не злить. Не злить.

— Хорошо, — сказала я. — Я буду держаться подальше.

Он смотрел на меня. Искал что-то в моём лице. Не нашёл.

— Иди, — сказал он. — И запомни: я не повторяю дважды.

Я кивнула и пошла к себе. Спина прямая. Шаги ровные. Ни капли страха.

Правило первое: не злить его. Я справилась. Но он всё равно злится. На что? На Герберта? На меня?

Я закрыла дверь и прислонилась к ней. Сердце колотилось. Руки дрожали.

В романе он злился, когда Элиана говорила с другими мужчинами. Он ревновал. Но не показывал. Копил. А потом — письмо. И всё сгорело.

Я подошла к кровати, достала карту из-под матраса. Развернула.

Потайной ход. Из подвала — за стену. Дальше — лес. Через лес — дорога. Через два дня пути — порт. Корабль. Свобода.

Я сложила карту и спрятала обратно.

Две недели. Приём. Потом — Люциан. Я должна успеть до него.

За окном темнело. Я легла и закрыла глаза. Сон пришёл быстро — тяжёлый, без сновидений.

А утром я нашла под дверью записку.

«Госпожа. Не доверяйте секретарю. Он не тот, кем кажется. — Друг».

Я скомкала бумагу в кулаке и посмотрела в окно.

Кто-то ещё знает. Кто-то следит.

Игра началась.

Глава 6. Служанка, которая слишком много знает

Записка жгла ладонь.

Я стояла посреди комнаты, сжимая комок бумаги, и слушала, как в коридоре затихают шаги. Кто-то был здесь. Кто-то подсунул записку под дверь и ушёл — тихо, быстро, незаметно.

«Не доверяйте секретарю. Он не тот, кем кажется. — Друг».

Я развернула бумагу и перечитала. Почерк мелкий, ровный, без наклона. Не Мира — у неё буквы круглые, с завитушками. Не Герберт — тот писал размашисто, с нажимом. Кто-то третий.

Я спрятала записку в карман платья и вышла в коридор. Утро только начиналось, слуги сновали туда-сюда с подносами и корзинами. Я искала глазами Миру — и нашла у лестницы. Она несла стопку белья.

— Мира.

— Госпожа? — она обернулась, и в её глазах мелькнуло что-то. Беспокойство? Вина?

— Зайди ко мне. Нужно поговорить.

Она кивнула и пошла за мной. В комнате я закрыла дверь и повернулась к ней.

— Ты подкладывала мне записку?

Мира побледнела.

— Какую записку, госпожа?

— Под дверью. Утром.

— Нет. Клянусь, нет.

Я смотрела на неё. Она не врала. Или врала хорошо. В романе Мира была предана Элиане — но Элиана ей не доверяла. Слишком запугана была, чтобы доверять хоть кому-то.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда скажи мне: кто ещё знает, что я... изменилась?

Мира замялась.

— Все говорят, госпожа. Слуги. Вы стали другой. Спокойнее. Смелее. И... — она опустила глаза, — вы разговариваете с его светлостью. Раньше вы молчали.

— А он? Что он говорит?

— Ничего. Но он спрашивал о вас.

— Что спрашивал?

— Кто с вами разговаривал. Куда вы ходите. Что читаете.

Я замерла.

Он следит. Не просто наблюдает — он собирает информацию. Как следователь.

— Кто именно спрашивал? Он сам или через кого-то?

Мира оглянулась на дверь и понизила голос.

— Через Мортон. Дворецкого. Он приходил на кухню, разговаривал с поварихой. Спрашивал, что вы едите, сколько спите, когда встаёте.

— А ты? Тебя спрашивали?

— Да. — Она сглотнула. — Вчера. Мортон спросил, не замечала ли я за вами чего странного.

— И что ты сказала?

— Что вы просто устали. Что вам нужно время.

Я выдохнула.

— Спасибо, Мира.

Она подняла на меня глаза.

— Госпожа... вы правда другая. Я не знаю, что случилось. Но я не хочу, чтобы вы... — она замолчала.

— Чтобы я — что?

— Чтобы с вами случилось то же, что с первой женой.
Первой женой.

Я замерла. В романе о первой жене герцога почти не говорилось. Упоминалось вскользь — что он был женат раньше, что жена умерла. От болезни. Так было написано в книге.

Но Мира смотрела на меня так, будто знала больше.

— Какой первой женой? — спросила я осторожно.

Мира побледнела ещё сильнее.

— Я не должна... мне нельзя...

— Мира. — Я взяла её за руку. — Пожалуйста. Я не знаю, что здесь происходит. Я не знаю, кому верить. Но ты — единственная, кто говорит со мной честно.

Она колебалась. Долго. Потом вздохнула.

— Первая жена его светлости... леди Аделаида. Она умерла три года назад.

— От болезни?

Мира посмотрела мне в глаза.

— Так говорят.

— А на самом деле?

— На самом деле она утонула. В пруду за садом. Ночью.

Холод пробежал по спине.

— Утонула? Случайно?

— Никто не знает. — Мира говорила почти шёпотом. — Говорили, что она была... странной. Грустной. Что она не хотела жить. Но были и другие разговоры.

— Какие?

— Что она пыталась сбежать. И что он... — Мира замолчала, прикусила губу.

— Что он — убил её?

— Я не знаю, госпожа. Правда не знаю. Но после её смерти в замке стало тихо. Слуг сменили. Многие ушли.

Я отпустила её руку. Голова шла кругом.

В романе не было никакой Аделаиды. Или была? Я читала быстро, могла пропустить. Но нет — я помню. Было сказано: «герцог овдовел три года назад». И всё.

— Почему в книге об этом не написано? — прошептала я.

— В какой книге, госпожа?

— Неважно.

Я отвернулась к окну. За стеклом моросил дождь. Серое небо, серые стены, серые мысли.

Если он убил первую жену, то убьёт и меня. Это не сюжет. Это его природа.

— Госпожа, — тихо сказала Мира. — Есть ещё кое-что.

— Что?

— Леди Аделаида... она тоже начала меняться перед смертью. Слуги говорили, что она стала спокойной. Как вы.

Я обернулась.

— Спокойной?

— Да. Она перестала плакать. Перестала бояться. Она ходила по замку с высоко поднятой головой. И... — Мира замялась, — она искала что-то. В библиотеке. В подвале.

Карту. Она искала карту.

— Она нашла? — спросила я.

— Не знаю. Через неделю она умерла.

Я закрыла глаза. Всё сходилось. Аделаида была как я — другой. Может, тоже попаданкой. Может, просто женщиной, которая решила не сдаваться. И она погибла.

Но я знаю больше, чем она. Я знаю сюжет. Я знаю про письмо. Я знаю про Люциана.

— Мира, — сказала я. — Ты можешь достать мне кое-что?

— Что угодно, госпожа.

— Ключ от подвала.

Она отшатнулась.

— Госпожа, туда нельзя. Его светлость запретил. Подвал заперт.

— Знаю. Поэтому и прошу.

Мира смотрела на меня. В её глазах был страх. И что-то ещё. Надежда.

— Зачем вам?

— Я хочу уйти, — сказала я просто. — До того, как он убьёт меня. Как Аделаиду.

Мира молчала. Долго. Потом кивнула.

— Я достану ключ. Но не сегодня. Мортон проверяет кладовые каждую неделю. После его обхода.

— Когда?

— Через три дня.

— Хорошо.

Она ушла. Я осталась одна. Села на кровать и достала карту. Потайной ход начинался в подвале. Если я найду его, я смогу уйти.

Три дня. Потом — приём. Потом — Люциан. Я должна успеть.

Я спрятала карту и легла. Сон не шёл. В голове крутились слова Миры: «Она тоже начала меняться перед смертью».

Аделаида. Кто ты была? Попаданка? Или просто женщина, которую сломали?

Я закрыла глаза. За стеной шумел дождь. Где-то в замке ходил герцог. Смотрел. Ждал.

Он не убьёт меня. Я не Аделаида. Я знаю больше. Я умнее. Я — Марина.

Но глубоко внутри, в самом тёмном уголке, шевелился страх.

А если он уже понял? Если он просто играет со мной?

Я перевернулась на бок и заставила себя дышать ровно.

Три дня. Ключ. Подвал. Свобода.

Я успею.

За окном выл ветер. Замок спал. И где-то в темноте кто-то ждал — как я.

На следующее утро я нашла вторую записку.

«Госпожа. Не ходите в подвал. Это ловушка. — Друг».

Глава 7. Ночь в герцогском замке

Вторая записка лежала на туалетном столике. Не под дверью — на столике. Внутри комнаты.

Я замерла, когда увидела её. Скомканный листок, придавленный флаконом духов. Кто-то был здесь. Ночью. Пока я спала.

«Не ходите в подвал. Это ловушка. — Друг».

Я оглянулась. Дверь закрыта. Окно заперто. Ни следа, ни звука.

Кто-то входит в мою комнату без разрешения. И этот кто-то знает про подвал. Знает про Миру. Знает всё.

Я села на кровать и заставила себя думать.

Первый вариант: это ловушка. Герцог подослал кого-то, чтобы проверить, клюну ли я на «друга». Если я пойду в подвал — он поймает меня с поличным. В романе он не был параноиком. Но в романе я и не вела себя так.

Второй вариант: это правда друг. Кто-то, кто знает замок лучше меня. Кто-то, кто хочет мне помочь. Но кто?

Я перебрала всех. Мира — исключено, она сама предложила достать ключ. Герберт — враг. Мортон — шпион герцога. Остальные слуги — тени, которых я не знала.

Может, кто-то из охраны? Может, кто-то, кто знал Аделаиду?

Я спрятала записку в карман и оделась. Сегодня — без Миры. Я справлюсь сама. Простое серое платье, коса, туфли без каблука. Практично. Незаметно.

Если подвал — ловушка, я туда не пойду. Но проверю. Осторожно.

Утренний завтрак прошёл спокойно. Герцог отсутствовал — уехал по делам. Я впервые вздохнула свободно. Без его взгляда, без его вопросов, без холода, который он приносил с собой.

После завтрака я пошла в сад.

Сад был большой, запущенный. Розы, посаженные ещё при Аделаиде, разрослись и одичали. Я шла по дорожкам и смотрела по сторонам. Пруд, о котором говорила Мира, был в дальнем конце — тёмный, затянутый ряской. Я остановилась у кромки.

Здесь она утонула. Ночью. Одна.

Я представила её — женщину, похожую на меня. Может, с таким же отчаянием в глазах. Может, с такой же картой под матрасом.

Что ты сделала не так, Аделаида? Почему он убил тебя?

— Леди Рейнхард.

Я обернулась. Герберт. Секретарь. Стоял в десяти шагах, с папкой в руках, вежливо улыбался.

Держись подальше. Он сказал.

— Мистер Герберт. — Я кивнула. — Вы здесь по делам?

— Искал вас. Его светлость просил передать, что вернётся поздно. Вы можете ужинать одна.

— Благодарю.

Я хотела уйти, но он шагнул ближе.

— Прекрасный сад. Жаль, что запущен.

— Да.

— Леди Аделаида любила здесь гулять. Она проводила тут часы.

Я замерла.

— Вы знали её?

— Я служу в замке пять лет, — сказал он. — Знал.

— Какой она была?

Герберт посмотрел на пруд. Долго.

— Тихой. Печальной. Она много читала. Искала что-то.

То же, что и я.

— И что она искала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.